

RU

## Айны и их место в истории российско-японских отношений 1855-1875 гг. в дореволюционной историографии

Мурзин В. С.

**Аннотация.** Цель исследования – анализ дореволюционной российской историографии и выявление малоисследованных аспектов в положении айнов в контексте российско-японских отношений 1855-1875 гг. В статье рассматриваются ключевые дипломатические вехи российско-японских отношений 1855-1875 гг. (Симодский трактат 1855 г. и Санкт-Петербургский договор 1875 г.) и их территориальные последствия для айнов, а также анализируется образ айнов в дореволюционной российской этнографии и исторических трудах, включая вклад таких исследователей, как М. М. Добротворский, А. В. Григорьев, Л. Я. Штернберг и Б. О. Пилсудский. Автором выявлены основные направления исследований, а также пробелы и перспективы для дальнейших изысканий в данном направлении. Научная новизна работы заключается в восполнении пробела в изучении того, как айны были представлены в российской исторической мысли до 1917 г. в период формирования дипломатических связей между Россией и Японией, а также в критическом осмыслении преобладающих этнографических и исторических подходов к айнам как объектам, а не субъектам международных отношений. В результате исследования выявлено, что дореволюционная историография, несмотря на фиксацию территориальных изменений и принудительных переселений айнов, преимущественно изображала их как пассивные объекты дипломатических соглашений. Показано, что акцент делался на геополитических интересах империй, а не на политическом статусе или агентности айнов, что привело к их маргинализации в историческом нарративе. Подчеркивается, что научные труды таких ученых, как М. М. Добротворский, Л. Я. Штернберг, Б. О. Пилсудский, тем не менее являются ценными источниками для понимания имперской политики и этнографических представлений того времени.

EN

## The Ainu and their place in the history of 1855-1875 Russian-Japanese relations in pre-revolutionary historiography

V. S. Murzin

**Abstract.** The purpose of the study is to analyze pre-revolutionary Russian historiography and identify little-explored aspects of the Ainu situation in the context of Russian-Japanese relations in 1855-1875. The article examines the key diplomatic milestones of Russian-Japanese relations in 1855-1875 (the Treaty of Shimoda in 1855 and the Treaty of St. Petersburg in 1875) and their territorial consequences for the Ainu, as well as analyzes the image of the Ainu in pre-revolutionary Russian ethnography and historical works, including the contributions of researchers such as M. M. Dobrotvorsky, A. V. Grigoriev, L. Ya. Sternberg and B. O. Pilsudsky. The author identifies the main research directions, as well as gaps and prospects for further research in this area. The scientific novelty of the work lies in filling a gap in the study of how the Ainu were represented in Russian historical thought before 1917 during the formation of diplomatic relations between Russia and Japan, as well as in a critical understanding of the prevailing ethnographic and historical approaches to the Ainu as objects rather than subjects of international relations. The study revealed that pre-revolutionary historiography, despite the fixation of territorial changes and forced resettlement of the Ainu, mainly depicted them as passive objects of diplomatic agreements. It is shown that the emphasis was on the geopolitical interests of the empires, rather than on the political status or agency of the Ainu, which led to their marginalization in the historical narrative. It is emphasized that the scholarly works of such scientists as M. M. Dobrotvorsky, L. Ya. Sternberg, B. O. Pilsudsky, however, are valuable sources for understanding imperial politics and ethnographic concepts of the time.

## Введение

Изучение исторической роли айнов, коренного населения Сахалина, Курильских островов и Хоккайдо, сохраняет высокую актуальность в контексте современных дискуссий о правах коренных народов и территориальных вопросах (Акидзуки, 2002; Лим, 2017; Тураев, 2018). Современная историография всё чаще признаёт айнов активными участниками или значимыми сторонами исторических процессов (Айны в истории..., 2020). Изучение образа айнов в дореволюционной российской историографии представляет собой ценный источник для понимания имперского мышления и дипломатических приоритетов России в середине – второй половине XIX века. Хронологические рамки исследования – 1855-1875 гг. – выбраны не случайно. Этот период знаменует собой формализацию дипломатических отношений между Российской империей и Японией, переход от разрозненных контактов к кодифицированным соглашениям. Подписание Симодского трактата в 1855 г. и Санкт-Петербургского договора в 1875 г. стало поворотным моментом, определившим территориальные границы, которые напрямую затронули исконные земли айнов и их политический статус. Эти соглашения, по сути, заложили основу для дальнейшего развития двусторонних отношений, переведя их в фазу «двустороннего паритета».

Для достижения поставленной цели исследования необходимо решить следующие задачи:

- проанализировать влияние Симодского трактата 1855 г. и Санкт-Петербургского договора 1875 г. на айновое население, проживавшее на спорных территориях Сахалина и Курильских островов, с точки зрения дореволюционной историографии;
- выявить и критически оценить преобладающие этнографические и исторические подходы к айнам в трудах российских ученых и официальных лиц до 1917 г., уделяя внимание тому, как эти нарративы представляли айнов: как пассивные объекты территориального размежевания или как субъекты с собственными интересами;
- сравнить подходы различных дореволюционных авторов к роли айнов в территориальных спорах и их дальнейшей судьбе.

В данном исследовании применяются историко-сравнительный, хронологический и проблемно-хронологический методы. Историко-сравнительный метод позволяет сопоставить различные дореволюционные источники и выявить общие тенденции и различия в представлении айнов. Хронологический метод используется для последовательного анализа событий и их отражения в историографии в рамках выбранного периода. Критический анализ источников позволяет оценить предвзятость и полноту информации, касающейся айнов в контексте российско-японских отношений.

Теоретическую базу исследования составляют труды по истории российско-японских отношений (Акидзуки, 2002; Елизарьев, 2007; Черевко, 2010), этнографии айнов (Добровольский, 1875, Анучин, 1876; Шренк, 1883), а также общие принципы историографии, позволяющие анализировать конструирование исторических нарративов и роль в них коренных народов.

Практическая значимость исследования заключается в углублении понимания исторического положения айнов и их роли в истории российско-японских отношений. Полученные результаты могут быть использованы в дальнейших научных работах по истории Дальнего Востока, этнографии коренных народов, а также в преподавании курсов по международным отношениям и историографии. Исследование также способствует более полному и объективному осмыслению вопросов, связанных с правами коренных народов и территориальными спорами.

## Обсуждение и результаты

Анализ исторических источников показывает, что, несмотря на то, что айны проживали на спорных территориях и подвергались принудительному переселению в результате договоров, описания самих договоров в дореволюционных трудах сосредоточены исключительно на государственных акторах – России и Японии – и их дипломатических достижениях (Венюков, 1873; Невельской, 1878; Новаковский, 1918). В этих нарративах отсутствует упоминание об участии айнов в переговорах или консультациях с ними. Это означает, что в официальных и исторических документах того времени айны в значительной степени рассматривались как пассивные объекты территориального обмена, а не как народы с неотъемлемыми правами или собственной волей. Основной проблемой для дореволюционной историографии была «территориальная проблема», а не самоопределение айнов. Такое отсутствие признания айновской агентности в дипломатическом дискурсе того периода является важным показателем имперской перспективы. Отказ в субъектности айнам в дореволюционных исторических отчетах указывает на существенную предвзятость, при которой коренные народы часто рассматривались как часть «земли», подлежащей обмену, а не как отдельные политические образования со своими интересами.

Период с 1855 по 1875 г. стал определяющим в формировании российско-японских отношений, положив начало их дипломатической истории. Эти два десятилетия были отмечены подписанием двух ключевых договоров, которые не только установили официальные связи между империями, но и оказали непосредственное влияние на судьбу айнов.

Первое дипломатическое соглашение между Российской империей и Японией, известное как Симодский трактат о торговле и границах, было подписано 26 января (7 февраля) 1855 г. в городе Симода. Со стороны России его подписал вице-адмирал Е. В. Путятин, со стороны Японии – Тосиакира Кавадзи (Латышев, 2015, с. 137). Этот договор ознаменовал начало официальных дипломатических отношений между двумя странами.

В части территориального размежевания Симодский трактат закрепил за Россией Курильские острова к северу от острова Уруп, в то время как острова Хабомаи, Шикотан, Итуруп и Кунашир отошли к Японии. Остров Сахалин был объявлен неразделенным владением обеих стран, что создавало основу для будущих территориальных споров (Латышев, Дударец, 2015, с. 76). В дореволюционной историографии подписание этого трактата рассматривалось как отправная точка дипломатической истории России в Восточной Азии, придающая новую силу ее дипломатическим усилиям в регионе.

Двадцать лет спустя, 25 апреля (7 мая) 1875 г., в Петербурге было достигнуто соглашение об обмене территориями, получившее в отечественной историографии название Санкт-Петербургского договора. Этот документ был подписан Александром Михайловичем Горчаковым от имени России и Эномото Такэаки от имени Японии (Латышев, Дударец, 2015, с. 184; Черевко, 2010, с. 321). Договор окончательно разрешил давний территориальный спор относительно Сахалина и Курильских островов.

Согласно его положениям, Россия уступала Японии все Курильские острова, а Япония, в свою очередь, отказывалась от всех своих притязаний на остров Сахалин, который полностью переходил под суверенитет России (Елизарьев, 2007, с. 374-375). В дореволюционной историографии этот договор часто характеризовался как «компромисс» между Россией и Японией, позволивший «закрыть источник постоянных конфликтов и напряженности». Для Японии подписание Санкт-Петербургского договора имело особое значение, поскольку он стал одним из первых дипломатических документов, заключенных ею на равных условиях с западной державой, и способствовал более активному освоению Хоккайдо (Мещеряков, 2023, с. 288-289).

Период с 1855 по 1895 г. в российско-японских отношениях в дореволюционной историографии часто описывался как время «двустороннего паритета» (Венюков, 1873; Невельской, 1878; Шрейдер, 1897; Новаковский, 1918). Работы, опубликованные в этот период, хотя и не всегда написанные профессиональными историками, отличались содержательностью с точки зрения фактов и заложили основу для систематического изучения Японии в России (Полонский, 1871; Венюков, 1871; Костылев, 1888).

Симодский трактат и Санкт-Петербургский договор последовательно описываются как инструменты разрешения территориальных вопросов между Россией и Японией (Костылев, 1888; Шрейдер, 1897; Новаковский, 1918). Айны, которые населяли Южный Сахалин и Курильские острова, непосредственно пострадали от последствий территориального размежевания, в частности в результате принудительного переселения (Лим, 2017, с. 27-29; 2020, с. 176). Дореволюционная историография, как показывают источники, сосредоточена на решении проблем на государственном уровне (Полонский, 1871; Венюков, 1873; Невельской, 1878). Положение айнов неявно определяется их географическим расположением в пределах спорных территорий, что делает их судьбу следствием дипломатического «компромисса», а не основной заботой или вопросом самоопределения (Полонский, 1871). Концепция «решения» территориальной проблемы подразумевает включение айнов в состав Российской и Японской империй как части территории, а не как отдельного народа с правами на свою землю.

Восприятие айнов в дореволюционной российской историографии развивалось от первых случайных контактов до систематических этнографических исследований, формируя образ народа, чья судьба была тесно переплетена с территориальными спорами на Дальнем Востоке.

Первые сведения об айнах в России появились в 1640 г. благодаря казакам Ивана Москвитина, которые ошибочно приняли их за «бородатых дауров» (Тураев, 2018, с. 215). Непосредственный контакт с айнами произошел в начале XVIII в. на Камчатке. Ранние русские источники часто называли айнов, проживавших на юге Камчатки и Курильских островах, «курилами», «курильцами» или «мохнатыми курильцами» (Айны в истории..., 2020, с. 130; Тураев, 2018, с. 215).

XIX век стал периодом возрастающего интереса к айнам, особенно после установления дипломатических отношений с Японией. Императорское Русское географическое общество (ИРГО) активно участвовало в изучении этого народа, о чем свидетельствуют протоколы заседаний Совета ИРГО от 1880 г. (Щепкин, 2022, с. 28). Систематическое изучение Японии и, как следствие, айнов, началось в России в конце XIX в. Айны были признаны коренным населением Хонсю, Хоккайдо, Курил, Сахалина и низовьев Амура. Их физический облик, отличающийся от монголоидного, с чертами австралоидов, монголоидов и европеоидов, и особенно их «обволашенность» часто отмечались этнографами (Анучин, 1876, с. 79-203; Шренк, 1883, с. 126-134; Штернберг, 1933, с. 555-557).

Среди наиболее значимых российских исследователей айнов дореволюционного периода выделяются несколько фигур:

- Михаил Михайлович Добротворский (1836-1874) – военный врач, лингвист и этнограф. Добротворский внес выдающийся вклад в айноведение (Добротворский, 1875). В период своей лечебной практики на Южном Сахалине (1867-1872) он собрал ценнейший материал по языку и этнографии сахалинских айнов. Его фундаментальный труд «Айнско-русский словарь» (1875) является уникальным источником по сахалинскому диалекту айнского языка. Словарь включает более десяти тысяч айнских слов. Работы Добротворского содержат подробные сведения о языковых особенностях, этнографии, антропологии, топонимике, народных знаниях и религиозных воззрениях айнов Сахалина второй половины XIX в.

- Александр Васильевич Григорьев (1848-1908) – секретарь Императорского Русского географического общества (1883-1903). Григорьев сыграл важную роль в сохранении памяти об айнах. Александр Васильевич собрал уникальные материалы, включая артефакты быта и культа, фотоальбомы, а также японские книги и карты, посвященные айнским землям (Щепкин, 2022, с. 25-28). В 1879 г. Григорьев лично записал 700 айнских слов в селении Юраппу на Хоккайдо (Дударец, 2006, с. 90). Его деятельность была направлена на фиксацию и сохранение айнской культуры, которая быстро исчезала под влиянием территориальных разделов.

• Лев Яковлевич Штернберг (1861-1927) – этнограф, лингвист и музеевед. Штернберг (1933) известен своими исследованиями коренных народов Сибири и Дальнего Востока. Он выдвинул теорию о родстве айнов с австронезийцами и их приходе на Японские острова с юга, которая доминировала в советской этнографии. Хотя основные труды и влияние Штернберга на этнографию пришлось на более поздний период, его идеи формировались в дореволюционную эпоху и оказали значительное воздействие на айноведение.

• Бронислав Осипович Пилсудский (1866-1918) – этнограф, лингвист и фольклорист. Пилсудский провел значительное время на Сахалине, изучая быт и культуру айнов, нивхов и ороков (Соколов, 2014, с. 75). В 1903 г. Бронислав Осипович записал старинные айнские предания в селениях Сираой, Пиратори и других (Дударец, Латышев, 2002, с. 147-184). Его работы, включая «Фольклор сахалинских айнов» (Пилсудский, 2001), являются ценнейшим источником по айнскому языку и устному народному творчеству.

В российской историографии дореволюционного периода изучение айнов, как правило, фокусировалось на их отличительном физическом облике, уникальном языке, не имеющем родственных связей с японским или другими восточными языками, и традиционном укладе жизни, основанном на рыболовстве, охоте и собирательстве (Анучин, 1876; Шренк, 1883; Штернберг, 1933). Отмечалось отсутствие у айнов письменности и государственного устройства. Некоторые авторы подчеркивали их «воинственный» характер, в то время как другие акцентировали внимание на их миролюбии, честности и добродушии (Добротворский, 1875; Пилсудский, 1907).

Выявленные данные указывают на значительный акцент на этнографических и лингвистических аспектах изучения айнов российскими учеными. Эти исследования, хотя и были ценными для документирования айнской культуры, часто представляли айнов как объект научного любопытства или «исчезающий» народ, а не как политическое образование. Описание их «традиционного общинного хозяйства» и «относительной самостоятельности» относится к внутренним социальным структурам, а не к их положению в международном праве. В дореволюционных работах заметно отсутствие дискуссий о политических правах или самоопределении айнов в контексте договоров, напрямую затронувших их земли. Это указывает на то, что дореволюционная российская историография, внося существенный вклад в этнографию айнов, в значительной степени не смогла концептуализировать айнов как политических акторов или критически осмыслить последствия международных договоров для суверенитета или коллективных прав айнов. Статус айнов определялся преимущественно в этнографических категориях, в то время как их политическая субъектность игнорировалась.

Центральный аспект данного исследования – анализ того, как айны были вписаны в дореволюционные исторические нарративы о российско-японских отношениях в период с 1855 по 1875 гг. Источники показывают, что айны, несмотря на их непосредственное присутствие на спорных территориях, рассматривались преимущественно как объекты, а не как субъекты дипломатических процессов (Добротворский, 1875; Невельской, 1878).

Территориальные последствия для айнов, такие как переселения и изменение юрисдикции, были прямым результатом подписанных договоров. Симодский трактат, разделивший Курильские острова и установивший совместное владение Сахалином, непосредственно повлиял на айнов, проживавших на этих территориях.

Санкт-Петербургский договор 1875 г., передавший все Курильские острова Японии и весь Сахалин России, имел еще более драматические последствия для айнского населения. Значительная часть сахалинских айнов (почти треть) была насильно перевезена японскими властями на Хоккайдо к концу сентября 1875 г. Это принудительное переселение привело к огромным трудностям: многие семьи были разлучены и около половины переселенных умерли от эпидемий холеры и оспы в 1879 и 1886 г. Некоторые айны впоследствии нелегально возвращались на Сахалин (Акидзуки, 2002, с. 50-53; Лим, 2017, с. 28-29). Дореволюционные источники, вероятно, фиксировали эти перемещения как фактические результаты договоров, акцентируя внимание на логистических аспектах территориального обмена, а не на человеческих издержках или отсутствии выбора у айнов.

Что касается политического статуса айнов в контексте договоров, то дореволюционная историография преимущественно рассматривала айнов как коренных жителей спорных территорий, а не как отдельные политические образования, имеющие право голоса в заключении договоров (Полонский, 1871; Невельской, 1878). Основное внимание уделялось «сложным проблемам зарождавшихся русско-японских отношений» и «территориальной проблеме». Хотя некоторые русские авторы отмечали «общинное хозяйство» и «относительную самостоятельность» айнов, эти характеристики относились к внутренним социальным структурам и не подразумевали признания международного политического статуса (Добротворский, 1875; Кириллов, 1898). Айны воспринимались как «народ» или «этническая общность», но не как нация-государство или суверенный субъект.

Доступные источники указывают на то, что айны в подавляющем большинстве случаев представлялись как объекты международных отношений (Невельской, 1878; Шрейдер, 1897). Земли айнов были разделены, а коренное население перемещалось в результате соглашений между двумя имперскими державами. В представленных материалах отсутствуют свидетельства того, что дореволюционные российские историки или официальные лица обсуждали агентность айнов в этих переговорах, их согласие или уникальные права на землю. Историография сосредоточивалась на дипломатических достижениях России и Японии. «Дилемма», с которой столкнулись сахалинские айны, представлена как следствие размежевания, а не как проблема, требующая участия айнов для ее разрешения.

Этнографические работы таких исследователей, как М. М. Добротворский (1875), Б. О. Пилсудский (1907), Л. И. Шренк (1883), предоставили подробные сведения о жизни и культуре айнов. Однако эти труды, как правило, не связывали напрямую культурное существование айнов с политическими последствиями договоров или не выступали за права айнов в контексте территориальных споров. Их основной целью было документирование и сохранение «исчезающей» культуры. Исторические обзоры договоров сосредоточивались на дипломатических тонкостях, при этом судьба айнов была лишь фактическим результатом, а не центральным

пунктом анализа. «Ценность» айнов в этих исторических нарративах часто заключалась в их роли этнографической диковинки или населения, проживающего на спорных землях, а не в их статусе народа с четкой политической идентичностью или претензиями.

Русские ученые, такие как Штернберг (1933) и Пилсудский (2001), внесли значительный вклад в этнографию и лингвистику айнов. Их усилия часто были продиктованы стремлением задокументировать культуру, которая воспринималась как «исчезающая». Однако этот этнографический подход, при всей его ценности, по-видимому, в значительной степени отделял культурное существование айнов от их политического и территориального статуса в контексте российско-японских отношений. «Проблема» айнов, как это отражено в работах Д. Н. Анучина (1876); Л. И. Шренка (1883), была в первую очередь проблемой сохранения культуры и научного изучения, а не проблемой политических прав или самоопределения перед лицом имперской экспансии и территориального обмена. Историография представляет ситуацию айнов как следствие действий государств, а не как предмет для проявления айнской агентности. Это указывает на преобладающую интеллектуальную парадигму в дореволюционной России, где коренные народы в основном рассматривались через этнографическую призму как объекты изучения, а не через политическую или правовую призму как субъекты с правами или волей в международных делах. Такое интеллектуальное оформление способствовало исторической маргинализации голосов айнов в нарративе российско-японских отношений.

### Заключение

Анализ дореволюционной российской историографии показывает, что, несмотря на документирование присутствия айнов и влияния Симодского (1855 г.) и Санкт-Петербургского (1875 г.) договоров на их жизнь, включая принудительные переселения, айны в основном изображались как объекты территориального обмена, а не как активные участники или субъекты с политической волей. В рамках дореволюционной историографии айнов рассматривали лишь как пассивных наблюдателей, чья судьба зависела от геополитических решений Российской империи и Японии. Культурные и этнографические особенности айнов отмечались, но их политический статус или права в контексте международных договоров в значительной степени игнорировались или неявно отклонялись.

Таким образом, дореволюционные исследования, хотя и внесли значительный вклад в этнографию айнов, не рассматривали их в качестве полноценных политических акторов в международной системе. Их существование и перемещения были следствием, а не причиной дипломатических соглашений.

Несмотря на эти ограничения и предвзятости, дореволюционные труды остаются бесценными первоисточниками для понимания исторического присутствия айнов, их культурных практик и непосредственных последствий договоров. Они также дают критически важные сведения об исторических представлениях и имперских рамках, которые формировали внешнюю политику России и академический дискурс в XIX веке. Изучение этих нарративов позволяет современным исследователям глубже понять механизмы взаимодействия и роль, которую историография играла в формировании и легитимизации имперских притязаний.

Перспективы дальнейшего исследования включают сравнительный анализ представлений айнов в дореволюционной японской историографии того же периода, а также изучение возможности выявления айнской агентности через анализ их устных традиций и фольклора, что может дать более полную картину их места в истории российско-японских отношений.

### Источники | References

1. Айны в истории российско-японских отношений XVIII-XIX вв. / под ред. В. В. Щепкина. СПб.: ЛЕМА, 2020.
2. Акидзуки Т. Японо-российские отношения и остров Сахалин / пер. с япон. А. В. Трёхсвятского // Краеведческий бюллетень. 2002. № 3.
3. Анучин Д. Н. Материалы для антропологии Восточной Азии. I. Племя айнов // Известия Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. Т. XX. Труды Антропологического отдела. Кн. 2. Вып. 1. Протоколы заседаний отдела (с 3 ноября 1865 года по 13 мая 1875 года). М.: Типография С. П. Архипова, 1876.
4. Венюков М. И. Обзорение Японского архипелага в современном его состоянии. Ч. 1. География и статистика Японии. СПб., 1871.
5. Венюков М. Опыт военного обозрения русских границ в Азии. СПб.: Тип. В. Безобразова и К°, 1873.
6. Дударец Г. И. Исследователь айнов А. В. Григорьев // Известия Института наследия Бронислава Пилсудского. 2006. № 10.
7. Дударец Г. И., Латышев В. М. Экспедиция В. Серошевского и Б. Пилсудского на о. Хоккайдо в 1903 г. // Известия Института наследия Бронислава Пилсудского. 2002. № 6.
8. Елизарьев В. Н. Подлинная история Курильских островов и Сахалина XVII-XX вв. М.: Алгоритм, 2007.
9. Кириллов Н. В. Айно (Предварительное сообщение) // Сахалинский календарь. 1898. Отд. II.
10. Костылев В. Я. Очерк истории Японии, составленный В. Костылевым. СПб.: Типография В. Безобразова и К°, 1888.
11. Латышев В. М. После Симодского трактата (1855-1858 гг.) // Вестник Сахалинского музея. 2015. № 1 (22).

12. Латышев В. М., Дударец Г. И. Государственный канцлер А. М. Горчаков и решение сахалинского вопроса. Южно-Сахалинск: Сахалинский областной краеведческий музей, 2015.
13. Лим С. Ч. Из истории курильских айнов (конец XVIII в. – 1875 г.) // Вестник Сахалинского музея. 2020. № 3 (32).
14. Лим С. Ч. История сахалинских айнов в свете русско-японского соперничества на Дальнем востоке (XVIII в. – сентябрь 1875 г.) // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2017. № 3.
15. Мещеряков А. Н. Император Мэйдзи и его Япония. М.: Лингвистика, 2023.
16. Невельской Г. И. Подвиги русских морских офицеров на крайнем востоке России. 1849–55 гг. СПб., 1878.
17. Новаковский С. И. Япония и Россия. Токио: Товарищество «Восток», 1918.
18. Пилсудский Б. О. Краткий очерк экономического быта айнов на о. Сахалине // Записки Общества изучения Амурского края. 1907. Т. X.
19. Пилсудский Б. О. Фольклор сахалинских айнов // Известия Института наследия Бронислава Пилсудского. 2001. № 5.
20. Полонский А. С. Курилы // Записки Императорского русского географического общества по отделению этнографии. 1871. Т. IV.
21. Соколов А. М. Айны: от истоков до современности: материалы к истории становления айнского этноса. СПб.: Кунсткамера, 2014.
22. Тураев В. А. Этническая история айнов Сахалина и Курильских островов в контексте российско-японских территориальных размежеваний // Россия и Азиатско-Тихоокеанский регион. 2018. № 2 (100).
23. Черевко К. Е. Россия на рубежах Японии, Китая и США (2-я половина XVII – начало XXI века). М.: Институт русской цивилизации, 2010.
24. Шрейдер Д. И. Наш Дальний Восток (три года в Уссурийском крае). СПб.: Издание А. Ф. Девриена, 1897.
25. Шренк Л. И. Об инородцах Амурского края. Т. 1. Части географическо-историческая и антропо-этнологическая. СПб.: Тип. Императорской академии наук, 1883.
26. Штернберг Л. Я. Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айны. Хабаровск: Дальгиз, 1933.
27. Щепкин В. В. Айны глазами японцев: неизвестная коллекция А. В. Григорьева. СПб.: Арка, 2022.

#### Информация об авторах | Author information



Мурзин Виталий Сергеевич<sup>1</sup>

<sup>1</sup> Луганский государственный педагогический университет



Vitalii Sergeevich Murzin<sup>1</sup>

<sup>1</sup> Lugansk State Pedagogical University

<sup>1</sup> [vitmurz1n@yandex.ru](mailto:vitmurz1n@yandex.ru)

#### Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 29.05.2025; опубликовано online (published online): 25.06.2025.

**Ключевые слова (keywords):** айны; российско-японские отношения; дореволюционная историография; Симодский трактат 1855; Санкт-Петербургский договор 1875; the Ainu; Russian-Japanese relations; pre-revolutionary historiography; Treaty of Shimoda in 1855; Treaty of St. Petersburg in 1875.